

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОΛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

ВАСИЛИЙ

ГОЛОВАЧЁВ

КО ВРЕМЕНИ МОИХ СЛЁЗ

ВВГ, или Власть ВРЕМЁН ГАРМОНИИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
!

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ
КАПКАН ВРЕМЁН

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке художника *А. Дубовика*

Головачёв, Василий Васильевич.
Г61 Капкан времён / Василий Головачёв. — Москва : Издательство
«Э», 2016. — 736 с.
ISBN 978-5-699-86987-9

Не на Земле и даже не в пределах нашей Вселенной идет война. Сам того не подозревая, ей не даст закончиться Арсений Васильевич Гольцов, человек, наделённый уникальным даром и избранный из-за него на роль экзора, оператора реальности...

Во время очередной экспедиции в Монголию путешественник Олег Северцев при трагических обстоятельствах находит интересный прибор, который похож на необычного вида часы. Методом проб и ошибок Северцев постепенно узнаёт назначение прибора, и это кардинально меняет его представления об устройстве мироздания...

Впервые под одной обложкой два остросюжетных фантастических романа о времени!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86987-9 © В. Головачёв, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
А

ВРЕМЕНИ
ИХ СЛЁЗ

КО ВРЕМЕНИ
МОИХ СЛЁЗ

Не старайся жить весело в мире этом;
ибо все радости света сего кончаются
плачем.

Изборник. 1076 г.

Что бы за мной ни наблюдало, это не
человек — по крайней мере с моей точки
зрения.

Ф. Дик. «Помутнение».

Дощечка первая

ПРОКЛЯТИЕ

Былое

Собиралась гроза... а в доме было тепло, тихо, уютно, и не хотелось никуда идти.

Игрушек у Арсика было мало, поэтому он мастерил их сам: бумажные зверюшки — дед научил, самолётики из тетрадных листов, кораблики из сосновой коры. В четыре года они получались не ахти какой красоты и изящества, но в глазах мальчика кораблики казались настоящими морскими посудинами, пиратскими клиперами, шхунами знаменитых путешественников, и он, наблюдая за «флотом», плывущим по «просторам морей и океанов» — по гигантской луже напротив дома, просыхающей только летом, грезил с открытыми глазами, представляя себя великим первооткрывателем стран и островов, капитаном собственного корабля.

— Собирайся, мечтатель, — погладила его по светлой головке бабушка, — в церковь пойдём.

— Зачем?

— Крестить тебя будем.

— А дед пойдёт с нами?

Бабушка и мама переглянулись.

— Он уехал... позже подойдёт.

— Тогда я его подожду.

Мама нахмурилась:

— Арсений, не упрямясь, всё равно идти придётся.

— Не пойду!

— А я сказала...

— погоди, Надя, — мягко остановила её бабушка, — не начинай с утра кобызиться, он и так согласится.

— Не пойду! — упрямо свёл брови Арсений.

— Дело в том, что мы все крещёные, а теперь вот и твоя очередь подошла. Да и в церкви ты ещё не был, алтаря не видел, иконостаса. Там красиво, свечи горят, люди молятся, тебе понравится.

Мальчик дотронулся пальцем до подбородка — так делал дед Терентий Митрофанович, помолчал, подозрительно посмотрел на бабушку:

— Дед точно придёт?

— Не сомневайся.

— Тогда ладно. Только я посмотрю, и всё.

— Беги, надевай шаровары и курточку новую.

Мальчик убежал в спальню переодеваться.

— Совсем от рук отобьётся без отца, — вздохнула мать, проводив его глазами. — Четыре года, а он уже не слушается.

— Не возводи напраслину на парнишку, — возразила бабушка. — Арсик хороший мальчик, светлый. Вишь, какие лодки соорудил? Загляденье. Головка у него работает, смекает, из него добрый человек вырастет, Терентий правду ведает.

— Дай-то Бог. Кум-то где с кумой?

— К церкви придут, как договаривались.

Разговор прервался.

Женщины принялись собираться в церковь, одели мальчика, и скоро все трое направились к церковке на краю посёлка, поставленной ещё в прошлом веке пришлым на муромскую землю монахом Амвросием. Церковка сохранилась хорошо, хотя была деревянной, и имела приличный приход, так как батюшка славился добротой и охотно помогал страждущим и неимущим. Но дед Арсика Терентий Митрофанович чтит древних русских богов Сварога и Перуна и в церковь, в отличие от женщин, не ходил. Хотя и не препятствовал другим, полагая, что у каждого свободного человека должна быть своя вера, подвигающая его на справедливые поступки.

Апрель в сердце русских равнин выдался тёплым, снег потаял дружно и быстро. Однако в этот субботний день погода испортилась, небо заволочло свинцовыми тучами, и где-то уже прогремывал гром. Находила первая в этом году весенняя гроза. Капли дождя упали на землю, когда семья Гольцовых вошла в церковь.

Их встретил сам батюшка Мефодий, погладил Арсика по головке, прогудел в бороду:

— Что съёжилось, чадо испуганное? Не бойся, ничего дурного с тобой не сделают, станешь рабом Божиим, молитвам научишься, будешь добро творить. — Мефодий посмотрел на бабушку с укоризной. — Давно надо было покрестить мальчонку, провести путём истинным, отчего не приходили?

— Дак дед его не соглашался, — растерялась бабушка. — Не уговорить было. Вот и выросли мы.

— Ладно, Анна Трофимовна, всё сладим, одесную стань, начнём, пожалуй. Снимите с него обувку, поясок. Где кумовья?

— Здесь, — подошёл к семье Гольцовых племянник мамы Арсения Кузьма и его жена Светлана: обоим исполнилось по двадцать два года, но детей у них ещё не было, и они согласились участвовать в крещении Арсения.

Служка принёс свечи. Мать и бабушка зажгли их, одну протянули Арсению, озиравшемуся по сторонам. Лики святых на иконах, сверкающая позолота иконостаса и риз, горящие свечи, таинственная темнота по углам церкви произвели на мальчика довольно сильное впечатление. С одной стороны, эта атмосфера ему нравилась, с другой — хотелось побыстрее сбежать отсюда, так как в душу начал закрадываться страх. Процедура крещения ещё не началась, однако ничего хорошего не сулила.

— Купель, — кивнул батюшка дьякону.

Принесли посудину с прозрачной водой, похожую на таз.

— Подведите отрока, — сказал батюшка.

Кузьма и Светлана взяли Арсения за руки, подвели к алтарю. Батюшка повернул Арсика к востоку, трижды подул ему в лицо, трижды наложил крестное знамение на лоб и на грудь, положил руку на голову и начал нараспев читать молитву:

— Господу помоли-и-имся... О имени Твоем, Господи Боже Истинный, и Единородного Твоего Сына, и Святого Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего Арсения, сподобьшагося прибегнути ко Святому Имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохранился...

И в это время в церковь, растолкав собравшихся прихожан, вбежал дед Арсика Терентий Митрофанович:

— Остановитесь!

Батюшка запнулся, удивлённо поднял голову.

За стенами церкви сверкнула молния, загрохотал гром.

Терентий Митрофанович, высокий, слегка сутулый, седой, с широкими сильными плечами, одетый в старинный кафтан, под которым виднелась белая рубаха, подошёл к жене и дочери, взял Арсения на руки:

— Прошу прощения, отец Мефодий, но я согласия на крещение сего отрока не давал. Ему уготована другая судьбина.

Батюшка огладил бороду рукой, откашлялся:

— Сие действие добровольно, паче миролюбиво, однако ж не след прерывать священнодействие...

— Я сказал, сей хлопец не будет крещён! Ещё раз прошу прощения. Идём, внучек.

Дед направился к выходу из церкви, не глянув на жену и дочь. Те, заговорив разом, бросились за ним, хватая за рукава. Бабушка отстала первой, заплакала. Зашумели односельчане, многие из которых знали семью Гольцовых. Скандала никто из них не ожидал.

Арсений, перепуганный происходящим, тоже заревел.

Вышли на площадь перед церковью, окружённую громадными — в два-три обхвата — деревьями. По листьям уже шуршали капли дождя, стемнело, будто наступил вечер.

— Не плачь, соколик, — ласково сказал дед, проведя по волосам мальчика заскорузлой ладонью. — Не надо тебе носить на груди крест с распятым нерусским богом. Твой род поклоняется другим богам, твоим прапредкам. Ты им не раб, а отпрыск, потомок.

— Старый, зачем ты это сделал? — подошла расстроенная бабушка, утирая слёзы. — Батюшку обидел, нас опозорил...

— Мой позор — мне и ответ держать! — сверкнул глазами Терентий Митрофанович. — А батюшка простит, не впервой. Его бог всем и всё прощает.

— Пойди, повинись, Арсика всё равно крестить пора...

— Повинюсь, а крестить не надо. — Старик легко поставил мальчика на землю, присел перед ним. — Ты мне веришь, внучек?

Арсений перестал плакать, раскрыл глазёнки, кивнул серьёзно:

— Верю.

— Вот и славно. Помни, твой путь — по другую сторону креста. Когда вырастешь, к тебе придут люди...

— Какие?

— Хорошие, ты поймёшь. Они — ратники Рода русского, помоги им.

— Ладно, дедушка. Только ты со мной будь.

— Я всегда с тобой буду. Постой тут, я в молельню схожу, с батюшкой поговорю, объясню ему кой-чего. — Терентий Митрофанович выпрямился, бросил бабушке: — Я сейчас, — и скрылся за дверью церкви.

— Стыдно-то как... — пробормотала мать мальчика, кутаясь в платок. — Пошли отсюда, смотрят все...

Она взяла Арсения за руку, потащила за собой, но дождь усилился, и они спрятались под высокой ветлой.

— Переждём немного.

— Не надо бы тут стоять... — начала бабушка.

Из-за ограды церкви вышел дед, увидел семейство под деревом, метнулся к нему.

— Уйдите оттуда! Надька, Анна — быстро ко мне!

Женщины переглянулись. Бабушка нерешительно затопталась на месте, раскинула над Арсением платок.

Подбежал дед, схватил мальчика на руки, толкнул дочь и жену под начавшийся ливень:

— Бегите!

Они заторопились, и в этот момент в ветлу ударила ветвистая молния, озарив окрестности мертвенно-синим светом.

Удар, треск, грохот, звон в ушах! Кто-то с силой бросил Арсения вперёд.

Он ослеп и оглох, закричал от боли, летя по воздуху как птица. В глазах запрыгали огненные колёса, и сквозь их верчение на мальчика глянули налитые чёрной жутью страшные глаза...

Затем последовал ещё один удар, он стукнулся виском обо что-то твёрдое и потерял сознание...

Бытие

Арсений Васильевич очнулся от воспоминаний, сделал несколько приседаний, отжался полсотни раз от пола и поплёлся в ванную комнату принимать душ.

Дед Терентий Митрофанович погиб, спасая внука, сгорел от разряда молнии, только пепел остался, хоронить было нечего. А у Арсика на всю жизнь сохранилась отметина на виске — шрам в форме трезубца, то ли след молнии, то ли след удара об ограду церкви. Его так и прозвали в школе — Меченый. Только в институте он избавился от этой клички, пряча синеватый шрамик под волосами.

Деда, вернее, то, что от него осталось — горстку пепла, похоронили на окраине Родомля, рядом с могилами родичей и предков Гольцовых. Но слова его Арсений запомнил на всю жизнь. Поэтому когда ему исполнилось девятнадцать лет и к нему в общежитие — он поступил в Рязанский радиотехнический инсти-

тут — пришли двое мужчин, Арсений не удивился их предложению и выслушал гостей спокойно, посчитав, что именно они и есть те самые «хорошие люди», о которых говорил дед.

В принципе, они ничего особенного и не сказали, говоря полунамёками и ссылаясь на необходимость соблюдать тайну беседы. Сообщили только, что он человек «отмеченный Вышней Сущностью» и что ему предстоит в скором времени стать неким «внешним оператором», управлять формированием энергоинформационных процессов.

— Каких процессов? — переспросил заинтересованный Арсений.

— Корректирующих Систему экосфер, — был ответ. — Тебе лучше этого не знать, работать будет твоё подсознание — в иных, горних мирах. Жить же ты будешь, как все люди, разве что смиреннее и обеспеченнее. Об этом мы позаботимся.

Всё так и получилось.

Арсений закончил институт, получил распределение в Институт лётно-испытательной аппаратуры в городе Жуковском, под Москвой, переехал по месту работы с дочкой и женой и уверенно начал карьеру инженера-разработчика радиоэлектронной аппаратуры. О встрече с «хорошими людьми» он почти забыл, пока один из них сам не напомнил ему события двадцатилетней давности — отказ от крещения и гибель деда.

Этот человек мало изменился за прошедшее с момента первой встречи время, что неприятно удивило Арсения. Хотя в молодости он не искал этому феномену объяснений. Просто не задумывался над ним. Его тогда больше волновали другие проблемы, житейские: семья, работа, жильё, воспитание дочки, обживание на новом месте. В первую очередь — работа, потому что это казалось главным, хотя на поверку всё повернулось иначе. Главным должны были стать покой и благополучие близких. Но это он понял лишь тогда, когда умерла жена — внезапно, остановилось сердце, хотя никогда ничем не болела, и Арсений в сорок восемь лет остался один.

Дети к тому времени жили уже отдельно: дочь Марина в Москве, сын Кирилл — в Муроме. С тех пор Арсений Васильевич так и обитал — один в трёхкомнатной квартире на бульваре Славы, всё в том же Жуковском, уже семь лет. Работал в ИЛИА, став начальником лаборатории контрольно-измерительных комплексов, — пятнадцать человек в подчинении, из них девять женщин, — два

раза в неделю сражался в спортзале института в волейбол с приятелями и сослуживцами, один раз играл в преферанс в дружеской компании, изредка встречался с женщинами, но второй раз не женился. Считал, что для этого надо влюбиться, а он продолжал любить жену.

Однако никто из друзей и приятелей на работе, никто из родственников не знал, что помимо государственной службы Арсений Васильевич Гольцов с л у ж и т ещё и в другой организации, суть деятельности которой он и сам понимал смутно. Однако служил, веря, что дед плохого не посоветует, потому и завещал ему именно этот путь — «по ту сторону креста».

Арсений Васильевич вошёл в ванную комнату, опёрся руками о столешницу умывальника, посмотрел на свою бледную со сна, небритую физиономию. Пригладил остатки седых волос на голове, заглянул в рот, скорчил гримасу. Не урод, но и не красавец. Карие глаза, усталые и невесёлые, нос луковкой, доставшийся в наследство от деда и отца, и красивого разреза губы — от матери, слишком чувственные для его возраста.

— М-да, — проговорил Арсений Васильевич глубокомысленно, передразнивая соседа, полковника в отставке, — жениться вам надо, барин. Пятьдесят пять лет — ещё не старость, это лишь старость молодости.

Усмехнулся, начал чистить зубы, подумал: может, и вправду жениться? Оксана уже не раз намекала, что не прочь перебраться на постоянное место жительства. Одиночество делает меня неуправляемым, слабым и больным. Семь лет я верю в то, что где-то существует женщина, способная заменить Милославу, хотя знаю, что такой больше нет. Семь лет я жду, что откроется дверь, войдёт она, присядет у порога, снимая туфли, оголяя круглые красивые колени, и прихожая заполнится дивным светом, потому что вся Милослава была — как солнышко. Иногда я даже слышу её шаги, тихие, робкие, будто поступь невидимых эльфов...

Но она не приходит...

Что-то стукнуло за стеной — проснулся сосед.

Арсений Васильевич вздрогнул, прислушиваясь, покачал головой и плеснул в лицо водой. Лукавая память не желала расставаться с прошлым, и перед глазами вновь возник абрис лица Милославы, нежный и бледный, как рисунок акварелью. Лицо улыбалось. Милослава вообще редко печалилась, потому её и любили все кругом.

Физиономия в зеркале расплылась.

— Этого только не хватало... — пробормотал Арсений Васильевич, снимая слезу с ресницы. — Сентиментальны вы больно, батенька.

Он умылся, побрился, не ощущая особой бодрости, позавтракал — готовил сам, и весьма недурственно. Глянул на календарь: пятнадцатое января, четверг... Пора на работу, однако, завлаб. Он же экзоператор, или экзор, хе-хе...

Вспомнился старый анекдот:

— Ну как я, доктор?

— Ничего, завтра выпишем. Позвоните жене, чтоб приехала.

— Зачем жене, доктор? Не надо её беспокоить.

— Как не надо? А кто тело заберёт?

Арсений Васильевич улыбнулся. Его внутреннее состояние постепенно сдвигалось к состоянию больного в анекдоте, потому как он не видел особенного смысла ни в своей работе, ни в «запредельной» деятельности, ни вообще в жизни, хотя внешне он был ещё ничего: метр восемьдесят, развёрнутые плечи, спортивная фигура, ни одного намёка на пузо. Ещё поживём?

Зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Товарищ начальник, можно, я сегодня опоздаю? — раздался в трубке голос Толи Юревича, ведущего инженера лаборатории и близкого друга Гольцова. — Жена приболела, ОРЗ у неё, я внучку в школу отвезу.

— Хорошо, конечно, — сказал Гольцов.

— Я вечером останусь, отработаю.

— Чепуха, Толя, не бери в голову.

Юревич был классным специалистом, а главное — скромным и добросовестным человеком, способным надёжно и без лишних споров выполнить любое задание. С ним было приятно и дружить, и работать.

Арсений Васильевич спустился во двор — его квартира располагалась на четвёртом этаже стандартной пятиэтажки, выгнал из «ракушки» свою старенькую «Ниву Шевроле» и поехал на работу. В девять часов он зашёл в свою лабораторию на втором этаже институтского корпуса. Поздоровался с сидящими у стоек с приборами и за рабочими столами сотрудниками, открыл дверь кабинета, в котором с трудом умещались стол, кресло, два стула, шкаф с книгами и компьютер. Сел за стол, включил отечествен-

ный «Енисей» и поймал себя на мысли, что не хочет работать. Первые в жизни!

— Ну-ну, — покачал он головой, хмурясь. — До пенсии тебе ещё далеко, лентяй. Её заработать ещё надо.

Однако в глубине души Арсений Васильевич отлично понимал, что это не лень — душевная усталость, накопленная двойной жизнью: в реальности Земли и в том запредельном мире, где он «формировал процессы энергоинформационного обмена».

Тонкий жидкокристаллический дисплей компьютера разгорелся жемчужным светом, на миг превратился в «песчаное дно ручья» и стал синим, как весеннее небо. Выпрыгнули из ниоткуда значки меню. Арсений Васильевич раскрыл один из них — «Свет», и в глубине дисплея соткалась из цветных линий конструкция измерительной системы, использующей гибкие оптиковолоконные кабели. Система разрабатывалась уже полгода и была почти готова к утверждению на техническом совете. Оставалось только «двести её до ума».

В кабинет заглянул, скаля зубы, Женя Шилов:

— Привет, босс, как настроение, весеннее? Анекдот хочешь?

— С утра?

— Почему бы и нет? — хохотнул Шилов. — Знаешь ведь пословицу: выпил с утра — и целый день свободен.

— Ты ещё и пьёшь?

— Только когда в карты проигрываю. Обижаешь, босс, я пью только пиво и только по праздникам. — Женя ухмыльнулся. — А праздники у меня каждый день. Шутка. Слушай анекдот, мне его сегодня утром жена напомнила своей индифферентностью.

— Меньше слов.

— Слушаюсь. Три дня и три ночи целовал Иван-царевич спящую царевну, а потом плюнул и похоронил. Вот и весь анекдот.

Арсений Васильевич усмехнулся:

— Понятно. Облом у вас обоих вышел. Иди работай. К вечеру чтобы все расчёты генератора были у меня в компе.

— Будет исполнено! — Шилов шутливо отдал честь и скрылся за дверью.

Арсений Васильевич покачал головой, перевёл взгляд на конструкцию в объёме дисплея, и мысли свернули в привычное русло. Вскоре он увлёкся работой, как всегда, и не заметил, как время подошло к обеду.